

ПОРА БЕСПЕЧНОСТИ
РАДИ ИГРЫ

Игорь Пантин
Пора беспечности. Стихи
и поэтизмы 2011–2019 гг.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45101232

ISBN 9785005046451

Аннотация

«Перед вами ребёнок-поэт, вернее поэт-ребёнок, мальчишка – озорной, своенравный, с чутким и восприимчивым сердцем. Он говорит так, словно ему не хватает общепринятых слов, его поэтический всплеск не уместается в известные нам понятия». (Тамара Львова, член Союза российских писателей)

Содержание

ХЛЕБНИКОВА ЦВЕТОЧЕК	5
СЫНУ	8
О СЕБЕ	9
«Ещё одно тихотворенье...»	10
«Чистый лист...»	11
«Я хочу жить сегодняшним днём...»	12
«Я хочу, чтобы были...»	13
ЧЕРНОГОРСКОЕ	14
«Ах, детство! Когда кажется...»	15
«Прилетит сон-птица...»	16
ДИПТИХ ОБ ОТРАЖЕНИЯХ	17
1	17
2	18
ВИДЕНИЕ	19
«Душа и разум – это я...»	20
ПИСЬМО. НЕЧАЯННОЕ	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Пора беспечности Стихи и поэтизмы 2011—2019 гг.

Игорь Пантин

Дизайнер обложки Ирина Гаврильченко

Редактор Тамара Львова

Корректор Ольга Евдокимова

© Игорь Пантин, 2019

© Ирина Гаврильченко, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-4645-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ХЛЕБНИКОВА ЦВЕТОЧЕК

Совсем непросто далась мне работа над дебютной книгой Игоря Пантина – сборником стихов и поэтизм. Его произведения не укладываются в классическую твёрдую форму стиха со смыслом и образами, относящимися к определённому направлению в поэзии, будь то символизм или пост-модернизм. Автор обладает острейшим поэтическим видением, но не всегда просто передать, облечь в слова поэтическую вспышку, возникшую в груди. Поэзия твёрдых форм показалась ему слишком тесной, ограниченной, ему хотелось широты и свободного звучания. В этом ему помогли поэты русского авангарда, которыми увлечён автор.

В природе поэта потребность высказаться поэтическим знаком, зафиксировать его в звукописи, нанизать на золотую нить смысла – чаще чувства – бусины-образы.

И не всегда разберёшь, из какого материала они – пласт-масса или «жемчуг перекаточный» – бусины разные и красивы сами по себе. Так и с произведениями Игоря – они переливчатые в звучании, играют во всевозможные интонации чувства. Они настроенческие – передают атмосферу, настраивают на сопереживание. Они оригинальные – западают в душу своеобразным звукообразованием и построением.

Читая стихи и поэтизмы Игоря Пантина, не ищите сразу корень смысла – вслушайтесь в строчки, в полновесность

звучков, позвольте себе войти в поэтическое пространство и принять этот удивительный голос. За сопереживанием возникнет и понимание.

Перед вами ребёнок-поэт, вернее поэт-ребёнок, мальчишка – озорной, своенравный, с чутким и восприимчивым сердцем. Он говорит так, словно ему не хватает общепринятых слов, его поэтический всплеск не уместается в известные нам понятия. И поэтому он изобретает новые слова-знаки: «тихотворения», «чудесатые чайки», «запорогий», «влюбирьки», «глухоковать», «слепствовать» – способные передать всю полноту его детского взгляда на мир – чистого и откровенно-искренного. В этом взгляде есть и радостная восторженность – стихотворение «Черногорское», поэтизм «О яблоках». Внимательное наблюдение за внутренними состояниями своей души – «Уклон в мазохизм», «Ещё одно тихотворенье...», «Я хочу жить сегодняшним днём...», «Боль моя, красавица, цветы...», «Потусторонняя мышь». И наряду с этим поэт-ребёнок обладает недетской серьёзностью, пониманием того, что взрослость неизбежна и вместе с этим осознание, что жизнь – всего лишь сон, иллюзия: стихотворения «А может быть, на самом деле я...», «Ах, детство, когда кажется...», «Прилетит сон-птица...» и поэтизмы «Письмо себе старому» и «О духе».

Почему мне было непросто заниматься книгой молодого автора? Мы с ним поэты разных направлений. Моими наставниками были Марина Цветаева, Анна Ахматова, Инно-

кентий Анненский, Осип Мандельштам. В свои наставники Игорь Пантин избрал Велимира Хлебникова, Александра Введенского, Николая Олейникова, Даниила Хармса, Николая Заболоцкого – именно они стали «фундаментом», помогающим оформить поэтические приливы его души. И моя задача как редактора была в том, чтобы сохранить «голос Игоря», не примешать в его голос мою поэтическую строгость.

Я очень рада состоявшейся беседе о широтах поэзии с долговязым мальчишкой в вязаном свитере, который, совершенно не смущаясь, заявляет о себе в первом стихотворении этой книги:

Вы знаете? Я вам хочу признаться честно: я крутой...

Тамара Львова, член Союза российских писателей

СЫНУ

О СЕБЕ

Вы знаете? Я вам хочу признаться честно: я крутой.
Нет, я не настолько крут, как, скажем, неприступная скала;

Мне далеко до горных пиков;
Но посмотрите мне в глаза —
Вы в них увидите два кулака.

Нет, я не злой. Я даже не могу сказать, что бойкий.
Я просто крут, как крут не склон холма,
Но край оврага.

И если вы потянете меня за ухо,
То снова можно будет видеть кулаки.

А вот посмотрим на кулак:

На нём колец нет и перстней,

А на запястье нет браслета и нет часов.

А в кулаке разжатом будет вам конфета.

И линии. На ладони протянуты линии.

Они мои. Я их не дам.

Протягивайте сами.

«Ещё одно тихотворенье...»

Ещё одно *тихотворенье*.
Ещё одно. Молчу, молчу.
Какое тонкое волненье
Огня свечи. Я чересчур
С огнём. Я чересчур
Немею в этом свете,
Мне, кажется, темно.
Пустеет мысль на этом;
Тут дно, второе дно
И третье – дня дно.
Нет свечки, нет свеченья
И спички ни одной...
Накрой меня, покой,
Накрой, забвеньё,
И крестиком прикрой.
И птички! Пойте вместе,
Пока лежу я злой,
Сосредоточенный и пресный,
Как универсум в тесте
И, как пузырь, пустой.

«Чистый лист...»

Чистый лист
На столе письменном
Похож на открытую дверь
В мир бесчисленных идей.

Я вдох за вдохом жду,
Когда войду шагами сердца
В страну забытых снов и слов —
Неразрешённых ребусов.

Свобода чистого листа
Изменит ли меня?

«Я хочу жить сегодняшним днём...»

Я хочу жить сегодняшним днём,
А не размышлять о будущем.
Собирая волю в костлявый кулак,
Себе запрещаю стучать по столам кухонным...
А строительство замков воздушных
Доверяю дизайнерам игр компьютерных,
И режиссёрам Голливуда —
Пусть фантазией общедоступной
Они поверхности блестящих глаз
Ровняют бульдозерами творчества.
Ставлю крест на мечтах
И предаюсь миллиону маленьких дел,
Меня окружающих;
На самом дне воронки времени
Я утону
И выплыву перерождённым
К плоту, где будешь ты,
Как весна после зимы.
В твоих руках увижу книгу:
Между страницами клёна листок – закладкой;
Между нашими взглядами солнца поток – загадкой.

«Я хочу, чтобы были...»

Я хочу, чтобы были
Живые дома, а не жилые.
Чтобы тела наши были хороминами,
А головы наши – светёлками.
Чтобы взгляды по лицам,
Как черви по лужам, не лазали,
Как водомерки по воде, не скользили;
Хочу, чтоб на сердце сквозило
От окон раскрытых очей.
Пусть века́ будут раствóрены
Для человеческого счастья,
Как веки младенца, чей взгляд глубок.
Голубоокий младенец небес!
Это мы Тебя воспитываем,
Это мы Тебя убаюкиваем,
Ты Голубчик наш,
Ты наш Малышок!

ЧЕРНОГОРСКОЕ

Я в пене морской на камнях —
Бушует стихия игриво.
Ах, пена! Ты – пиво!
Пьянишь – чуть с ног не свалила;
От счастья шатает,
Но брызги трезвят торопливо;
Волна за волной не прошествуют мимо...
И кажется мне – почти не беспочвенно —
Что я в центре мира.

«Ах, детство! Когда кажется...»

Ах, детство! Когда кажется,
Что взрослым быть не больно;
Когда коленкам – станется,
И локоткам – довольно...

Пока вкус сочного плода
Сквозь сон не пробуждал.
Пока мир – лабиринт зеркал —
Сон в сон не отражал.

Эх, детство! Эхом отзовись
Хотя бы в старости...
И жизнь! На волоске держись —
Ещё! – из жалости!

«Прилетит сон-птица...»

Прилетит сон-птица
В залу
Моей обители алой,
Чтобы в зеркало-душу биться.
А мне ведь должно что-то сниться...
Уйду прочь
В разум-ночь,
Хлопнув дверью.
Тропы – зверю, а мне – тротуар.
В доме хозяйствует птица-пожар.

...буду блуждать взглядом по звёздам.

ДИПТИХ ОБ ОТРАЖЕНИЯХ

1

Я помню ту свечу:
Она мне отражалась
В двойном стекле окна,
Она же повторялась
В подсвечнике своём,
И кувыркалось пламя
В воображении моём...

2

Горят два пламени свечи:
Одно живое, другое в отраженье,
Как пишущий и как перо... —
О чём поведает игривое письмо?

Рассвет уже пришёл —
Свечу гасить пора.
Но жалко в этот миг обезоружить
То ли огонь, то ли себя.

И пламенный поток я в сердце обнаружу:
Священный огонёк и ореол тепла,
И образ ласковый и нежный рвётся в душу...
Свечу я загасил, но всё горит она.

ВИДЕНИЕ

То ли месяц,
То ли пёрышко
Ангельского крыла
Что-то пишет, дрожа,
В тёмно-серых ночных облаках.

Вероятно,
О печальной любви поэму.

Кто-то водит пером
По ночным облакам
Вдохновенно.

Странники-страницы облака
Вдруг заканчиваются...

То ли месяц,
То ли пёрышко
Ангельского крыла
Падает, как слеза,
В тёмно-синее звёздное небо.

«**Душа и разум – это я...**»

Душа и разум – это я.
Дыша и радуясь, приемлю тело.
А впрочем, тело – это тьма.
Иду с вниманием лучистым
(А ведь внимание – фонарь любви!)
По закоулкам беспросветным...
Иду и думаю: «Здесь где-то ты,
Наверное, оставила следы».
И ежели найду, то поцелую.
А ежели найду секрет —
Возьму его на этот свет:
Метафору из тьмы, искру живую
Я с лёгким сердцем в строки привнесу.

ПИСЬМО. НЕЧАЯННОЕ

Ты слышишь, чайки поют?
Уа, уа...
Ты слышишь, хлопают крылья,
Как паруса:
Хва, хва...
А как моя душа
Стремится парусом раскрыться:
Вуа-вуа... —
Ты чувствуешь?
Уста
Устали лепетать слова,
И сердце выбором устало заниматься.
Не лучше ли лечь спать
И выспаться вконец,
Чтобы отпали скобки от колец
Цепей разумности постылых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.